

СМЕРТЕЛЬНА ГОРЕЧЬ ПЛЕНА...

СУДЬБЫ СОЛДАТ ВЕРМАХТА НА ВЯТСКОЙ ЗЕМЛЕ. РАБОТА
ОДИННАДЦАТИКЛАССНИКА ИЗ Г. КИРОВА СЕМЕНА БОГАТЫРЕВА

Составитель: Ирина Щербакова

АВТОР

Семен Богатырев, ученик 11 класса Вятской гуманитарной гимназии (г. Киров). Многократный призер Всероссийского конкурса Международного Мемориала "Человек в истории. Россия - XX век".

Работа получила третью премию VII конкурса 2005-2006 гг.

Научный руководитель - Галина Аркадьевна Кропанева.

Кировская область (а в прошлом Вятская губерния) известна в нашей стране как суровый северный край, который издавна был местом ссылки и проживания неугодных государству людей. Направлялись в такое место и военнопленные после всех войн, которые вела Россия, в том числе и во время Второй мировой войны.

В нашей области располагался один из 50 лагерных комплексов ГУЛАГа – так называемый Вятлаг. Его история, как и история всей лагерной системы СССР, стала изучаться и публиковаться только в конце 90-х годов ушедшего столетия.

В 1998 году вятский ученый-историк и краевед профессор Виктор Аркадьевич Бердинских опубликовал исследование «Вятлаг», в котором отражена одна из самых горестных и закрытых тем истории России XX века.

В прошлом году, работая над темой об использовании лыж и о судьбах лыжных батальонов в Великой Отечественной войне, я впервые услышал, что в нашем городе были немецкие военнопленные. В воспоминаниях Таисии Васильевны Степановой, ветерана Нововятского лыжного комбината, эта информация прозвучала неожиданно, специального вопроса на эту тему ей не задавали. Просто ее память сохранила это наиболее ярко: «Работали подростки: и девочки, и мальчики были. И мужчины работали, но их мало работало, потом не стало. А потом работали военнопленные. У нас в цехе они были: монтировали палки лыжные. Один немец был, дак он по-русски хорошо говорил, главным у них был. А жили они в землянках, и ходили всё чесались: у них блохи были. А я спросила однажды, почему чесались, говорю: «Вши?», а он «нихц» ... и показывает руками, как блохи прыгают... Это на всю жизнь запомнилось: как старые встречаемся, дак всё вспоминаем. А немцы нам всё фотографии показывали, что у них есть всё: семьи, дети. К ним относились хорошо. Душевно. Некоторые люди злились. Но их не притесняли. Кормили их квашеной капустой, картошкой с водой. А сестра (воспитатель детского сада), когда с детьми однажды в лес пошла гулять, как-то один закричал: «Анна Васильевна, здесь под кустиком дяденька лежит, дяденька лежит». Умер. Немцы часто умирали: и от болезней, и от истощения. Хоронили их: выкопают яму, кинут его туда и закопают: ничего не ставили, общая могила».

О судьбах пленных врагов захотелось узнать подробнее. Материал пришлось искать в публикациях краевых газет и журналов, исторических исследованиях, в вятских архивах и, конечно, в беседах с местными ветеранами труда.

В архивах материалы о военнопленных немногочисленны. В ведомственном архиве УВД составлена картотека пленных Второй мировой войны, умерших в Кировских госпиталях. Основой картотеки послужили списки личного состава госпиталей. В ней значится 9982 человека.

Сведения о пленных очень кратки и скупы. В стандартной карточке, которая была заведена на каждого узника Вятлага, в том числе и на военнопленных, указаны только имя, дата рождения,

воинское звание, дата смерти, место захоронения (если известно). В Государственном архиве социально-политической истории Кировской области хранятся документы о работе эвакогоспиталей на территории нашей области (в них, начиная с 1942 года содержался и спецконтингент - военнопленные), а также спецгоспиталей для пленных.

Используя эти данные, а также материалы периодической печати и воспоминания ветеранов, я поставил перед собой цель – попытаться составить обобщенный портрет пленного завоевателя, проследить вехи его судьбы, связанной с Вятским краем.

Трагический путь на север

В разгар военных действий в систему Вятлага стали поступать военнопленные.

Первые военнопленные появились в Кировской области зимой 1942-1943 гг. Все авторы воспоминаний и газетных статей единодушны во мнении, что это были солдаты разгромленной под Сталинградом армии маршала Паулюса.

Не могут не вызвать леденящего ужаса факты, изложенные в ряде газетных публикаций, воспоминаний, архивных документов.

Вот некоторые из этих фактов.

«Госпиталь в Пинюг эвакуировали с персоналом и ранеными из Белоруссии в начале 1942 года. К прибывшим на месте присоединились работники из местных и эвакуированных ленинградцев, которые жили здесь в каждом доме во всех окрестных деревнях – в основном женщины. Где-то осенью 42 г. пришел приказ: подготовить госпиталь к приему военнопленных немцев. наших раненых с ленинградского фронта недолеченными увезли в Слободской (райцентр Кировской области – С.Б.) Завезли новое нательное и постельное белье. К новому 1943 году госпиталь сверкал теплом, чистотой и уютom шести корпусов. Состав из 13 вагонов притянули в марте... Умерших было много. Их перенесли в отдельный вагон. Его потом утащили 1,5 км в сторону Котласа к Северному Семафору и всех похоронили в общей могиле. <...> Женщинам и подросткам из работавших по 12-14 часов в сутки на окрестных лесобиржах велели выкопать ту могилу у семафора, а потом копать могилы поменьше на участках 1 и 2 постоянного захоронения...» (Кирьяков Б. Люди и люди // Вятский наблюдатель, 2001, №51, 21 декабря, с.23).

«Одна из трагедий, которая потрясла всех вольных или невольных участников этого события, произошла вдоль второстепенной железной дороги, недалеко от Кирова, в марте 1943 года.

В начале 1943 года женщины, живущие в нескольких деревнях близ железнодорожной ветки Вятка – Слободской, от деревни Столбовы до разъезда Синцово, были направлены на рытье траншей в нескольких местах вдоль железнодорожного полотна. Вскоре после этого появился первый эшелон из нескольких теплушек. Пригнанные к поезду деревенские женщины, старухи и редкие старики открыли створки дверей, и изумленным взглядам жителей предстало кошмарное зрелище: из вагонов ударила волна смрада и трупного запаха, а внутренности теплушек были переполнены лежащими в разных позах мертвыми немцами, среди которых – по свидетельству очевидцев событий – попадались еще живые.

Какие-то люди в штатском, в сопровождении представителей администрации местного колхоза «Работник», раздали людям веревки, сыромятные ремни и железные клюшки и приказали стаскивать тела в заранее вырытые траншеи, причем вместе с мертвыми зарывали и живых.

У некоторых женщин начались истерики, и их уводили. Вот что рассказывали очевидцы, бывшие жители близлежащих деревень. КЛАВДИЯ А.: «Один лежал лицом вверх, совсем молоденький, со светлыми волосами и белым лицом. Я думала, что он мертвый, и потянула его клюшкой. Немец открыл глаза и застонал... Я закричала, со мной стало плохо, и меня увели. А немца стащили в яму, но этого я уже не видела. Никого не расстреливали. Просто зарывали. Говорили, что было много живых»! ЕЛИЗАВЕТА И.: «Всем сказали, что эти немцы подняли бунт. Какой бунт они могли поднять? Их просто везли без воды, без питья и без тепла. Их всех уморили». (Цит. по: Сапожникова А.В. Немецкие военнопленные Второй Мировой войны в Вятском крае. // Российская провинция в эпоху тоталитаризма (1930-х – 1940-х годов)/ Материалы немецко-российского проекта–Франкфурт-на-Одере–Киров, 2005. С. 70)

Вспоминает ветеран труда Василий Тимофеевич Храмов из г. Вятские Поляны: «А что касается военной поры, то мы, подростки, кроме завода, ничего и не видели. Не до того было. Помню, что на станции стоял товарняк в тупике с голыми немцами... Может, не довезли их к месту назначения, вот и загнали вагон на нашу станцию. Была лютая зима. Местные снимали с

мертвых одежду. Кто-то, может, и мародерствовал, а в целом люди в тылу жили страшно тяжело. Пухли с голоду и умирали от холода в сырых бараках. И мы однажды бегали на этих голых немцев смотреть. А вообще-то и вспоминать про то не хочется». (Гильмутдинова А. Тайна оврага // Вятский край, 1998, №172, 17 сентября. С.5)

Путь пленных в трудовые лагеря был, в сущности, способом уничтожения врагов, отправленных лютой зимой в битком набитых неотапливаемых вагонах, без пищи, воды и медпомощи на расстояние в тысячи километров, которое преодолевалось в условиях военного времени за недели, а то и месяцы.

Выживали наиболее выносливые... В воюющей напряжением всех сил стране абсолютно не ценилась жизнь собственного народа. Что уж говорить о пленных врагах...

Спецгоспиталь – это спасение?

Для выживших в пути прибытие в лагерь не всегда означало спасение, хотя почти все они плен воспринимали как возможность выжить... По наблюдениям краеведа Бориса Кирьякова, после прибытия в Кировскую область практически все военнопленные прошли через госпитали. Например, из 5 948 военнопленных, поступивших в первом полугодии 1943 года, здоровыми врачи признали только 127.

Длинный путь до Кайских лесов отправил на погосты более 2-х тысяч военнопленных. Остальные получили хронические осложнения.

Особенно тяжело было уроженцам солнечных Италии, Венгрии. Смертность среди них была самой высокой. (Кирьяков Б. «Они все видят. Видят и молчат...» (Военнопленные Второй мировой на Вятке) // Московская немецкая газета, 2005, май, №11).

В архиве ГАСПИ КО хранятся дела с политдонесениями о работе спецгоспиталей в период с начала по конец 1943 года. По ним можно проследить, в каком состоянии прибывали в нашу область пленные, как их содержали и как лечили, где использовали выздоравливающих. На территории области в годы войны размещались 11 спецгоспиталей для военнопленных. Кроме того, спецконтингент военнопленных привозили и в эвакогоспитали для бойцов Советской Армии. Всего раненых и больных солдат и офицеров германской армии лечили в 18 кировских госпиталях с 1943 по 1949 год.

В каком состоянии прибывали пленные? Вспоминают медсестры спецгоспиталей: «Не приведи господь увидеть такое! Их было примерно тысяча человек. В марте еще холодно. Головы и ноги поверх сапог и ботинок обмотаны тряпками: вплоть до бабьих юбок, белья и платков. Шинели, гражданские пальто, шубы и фуфайки шевелились от вшей и ломились от грязи. Лица небритые и худые. Раненых немного, а все больше истощены и плохо стояли на ногах. После санпропускника, кто мог, ушли колоннами по корпусам. Держались друг друга. Немощных увозили на лошади и несли носилками сотрудники и жители поселка» (Кирьяков Б. Люди и люди // Вятский наблюдатель, 2001, №51, 21 декабря, с.23).

«В д. Тарасовы школу огородили колючей проволокой, поставили 5 вышек, и там был госпиталь для военнопленных. В ноябре (1942 г.) привезли пленных, выгрузили 4 вагона. Мы под конвоем повели их в лагерь. Приказ – идти с ветреной стороны, на пленных кишат вши» (Лачкова А. Военнопленные немцы оставили в Оричах свастику... // Искра, 2001, №98, 16 августа. С. 3)

Конечно, чтобы спасать врагов, привезенных в таком состоянии, нужно было невиданное мужество, терпение, бесконечный запас жалости, доброты, милосердия. И умения прощать. Все эти качества проявляли русские врачи, медсестры, санитарки. Но не всем и не всегда их хватало. Вот хранящееся в архиве ГАСПИ КО письмо К.Ф.Байковой:

«Начальнику М(ед)Э(вако)П(ункта) при г. Кирове

От медсестры I отделения при ЭГ 1149

Байковой Ксении Филимоновны

Прошу начальника МЭПа рассмотреть мое заявление и направить меня работать в действующую Красную Армию.

Я родилась в Смоленской области в 1922 году. В 1939 году окончила Вяземскую фельдшерско-акушерскую школу. С августа 39 года – работала в г. Сычевке Смоленской области в качестве медсестры до 26/VI – 41 г. Мобилизовали 26.06.41 года, где работала при ЭГ (эвакогоспитале – С.Б.) – 1149 в Смоленской, Ярославской обл. г. Рыбинске, Новосибирской области и теперь уже 2-й год в Белой Холунице Кировской области.

Как вам известно, в нашем госпитале находятся с 27/II военнопленные, наши общие враги, с которыми боремся, которые разлучили нас с родными, близкими, разрушили наши города и села. А здесь приходится за ними ухаживать, лечить их.

Я понимаю, что приказ же Родины – есть наша жизнь. Сейчас местность, где жили мои родные, наша Смоленщина освобождена, но известия о родных нет. И вероятно, их нет в живых. Нет, не могу я больше за этими гадами ухаживать. Прошу очень Вас направить меня работать в любое место, лишь бы не с этими гадами... Я желаю приносить пользу, я отомщу за своих родных...

...Фрицев кормят лучше, чем нас, дают масло, сахар и вообще жиры. А мы, личный состав, с октября не получаем сахара, жиров уже 4 месяца не видим, утром нам дают 200 г картошки «в мундире», в обед щи из тухлой капусты. И так наших врагов кормят хорошо...

Приехали к нам работники НКВД, правда, первое время взялись за питание, добивались, теперь ознакомились с кухней и живут прекрасно, а остальные работники еле ходят на ногах. Да, много есть безобразий в нашем госпитале, всего не опишешь...» (ГАСПИ КО, Ф.1290, Оп.9, Д. 37, лист 111).

Чувства, переживания этого человека вполне можно понять и разделить.

Но все же чаще медперсонал трудился самоотверженно и пленным помогали как могли. Верх брали жалость и незлобивость вятских женщин. Приносили хлеб и овощи для слабых и беспомощных вчерашних врагов, хотя это строжайше запрещалось.

Врачи и медперсонал следовали заповеди: «Люди прежде всего люди: русские, немцы, венгры, итальянцы... Болезни, страдания и смерть равняют всех».

Вспоминает медсестра Т.Ф.Киселева (п.Оричи, вышла на пенсию только в 2002 году, работала с военнопленным доктором Инсмайером из Мюнхена): «Хочу сказать о том, что мы относились к немецким раненым так же, как к своим, русским. Топили им титаны, мыли их, лечили, перевязывали, хорошо кормили. Сами мы, медперсонал, питались намного хуже. Многие немцы ведь не по своей воле пошли воевать. Помню, как они хлеб наш целовали, наголодались, видно» (Лачкова А. Военнопленные немцы оставили в Оричах свастику... // Искра, 2001, №98, 16 августа. С.3)

Многим даже и лечение уже не могло помочь. Смертность была в первое по прибытии время очень высокой. Сыпной тиф, ранения, обморожения, туберкулез на фоне беспощадной дистрофии, авитаминозов, последствий голода, холода и антисанитарии в окружении и по дороге к нам продолжали уносить сотни жизней.

В поселке Рудничном Верхнекамского района после прибытия военнопленных началась эпидемия сыпного тифа, охватившая и личный состав госпиталей: «В 1942 году со сталинградского фронта сразу с поля боя привезли пленных – зрелище было удручающее. Худые, грязные, в лохмотьях, вшивые, больные... Они привезли в поселок тиф – болели сами, заразили медсестер, через них и местное население. Было много умерших среди пленных, умерли некоторые и гражданские» (Бердинских В.А. Вятлаг. Книга. – Киров: Кировская областная типография. 1998, С.289).

Политдонесение из госпиталя №1773 ст. Быстряги Оричевского района объясняет причины возникновения эпидемий:

«22/III – 43 г Лукьянов

Проверить и принять меры

к устранению допускаемого безобразия

Оричевский райком ВКП(б) Кировской области

17 марта 43 г

Секр. Кир. Обкома ВКП(б)

Тов. Лукьянову

Нас удивляет беспечность, существующая сейчас в транспортировании военнопленных. 13 марта к нам в район на ст. Быстряги был доставлен эшелон с в/п для выгрузки в госпиталь. Эшелон шел без конвоя, сопровождающий его санинструктор оказался больным тифом и лежит без сознания. В числе прибывших много здоровых и часть русских, служивших у фашистов.

Имеются сведения, что дорогой некоторые из них вылезли из эшелона, причем есть уроженцы Кировской области.

На ст. Быстряги имеется всего лишь 2 здания (школа и колхозный клуб), однако эвакуотдел предложил выгрузить также и больных тифом. Условий для строгой изоляции сыпнотифозных нет

и имеется опасность распространения болезни среди населения. Часть выгруженных на ст. Быстряги раненых в/п должны быть направлены в Верхошижемский район в Пищальский лесотехникум, однако Верхошижемский райисполком не высылает за ними своевременно лошадей.

Секр. Райк.ВКП(б) Созин» (1, дело 37, лист 51)

Однако «к лету 1943 года эпидемическая обстановка стала более благополучной. А к осени в месяц умирали уже не сотнями, а по 3-10 человек в каждом госпитале. (Чудиновских Е. На Вятской земле солдат вермахта лечили и перевоспитывали // Вятский край, 2000, №13, 20 января. С.6)

Еще одна выдержка из политдонесения зам.начальника ЭГ №1773 (Оричевского района) по политчасти Орлова А.И. на 15 мая 43 года: «Эпидемические заболевания среди больных спецконтингента прекратились, завшивленность ликвидирована полностью, санитарная обработка больных проводится регулярно, в палатах и во всем помещении госпиталя чисто и наведен полный порядок. Поведение, дисциплина среди спецконтингента удовлетворительные, случаев ч/п не было (побеги, самоубийства, недовольства и т.д.). Отношение к обслуживающему составу госпиталя со стороны больных хорошее..» (1, дело 37, лист 80).

О лечении и питании

Вятские врачи и медсестры справлялись и с тифом, и с дистрофией, оперировали и спасали раненых. Рядом с русским медперсоналом работали и врачи из военнопленных. Были среди них и врачи высококвалифицированные. Видимо их основательно готовили к войне, раз могли они сделать любую операцию.

«Среди пленных были врачи и санитары. Они помогали русским врачам лечить пленных... Помню пленный профессор итальянец помогал лечить и гражданских людей. Он делал операцию завучу школы Окулевич Е.К., когда она заболела. Навещал гражданских больных даже на квартирах. Ходил в сопровождении только медсестры, особой охраны не было» (Бердинских В.А. Вятлаг. Книга. – Киров: Кировская областная типография. 1998, С. 289).

Сведения о питании пленных противоречивы.

Архивные источники и официальные публикации последовательно утверждают, что питание пленных врагов осуществлялось по санаторно-курортным нормам. Население питалось хуже, обслуживающий персонал едва держался на ногах. Об этом же говорят и ветераны в некоторых воспоминаниях (Бердинских В.А. Вятлаг. Книга. – Киров: Кировская областная типография. 1998, С.290). Но многие ветераны вспоминают, что голод, истощение, дистрофия были постоянными спутниками пленных врагов. Они готовы менять все, что у них было, последнее (а иногда самое дорогое: фотографии семьи, детей, жен, какие-то домашние сувениры и талисманы) на хлеб и картошку (Арсентьев В. Немцы в Кирове появились в 1943 году// Наш вариант, 1998, 7 мая. С.6). Вот несколько выразительных свидетельств.

Если советским военнопленным в фашистских лагерях давали в сутки 150-200 г хлеба-суррогата и миску баланды из отходов, то у нас было принципиально другое отношение к пленному противнику — питались они лучше, чем многие граждане СССР. В сутки каждому выдавали 600 г хлеба, 120 г рыбы, 40 г мяса, 20 г сахара. Кормили три раза в день.

Типовое меню обеда: первое — щи или суп крупяной, второе - каша, овощи, мясо или рыба, третье — чай с сахаром. Перед едой заставляли выпить стакан хвойного настоя — от цинги и авитаминоза (Фокин В. Пленные - уже не вояки. Тем более - мертвые... // Деловая Вятка – 2005. – Июль - №16. С. 44).

О хорошем продовольственном обеспечении говорят воспоминания заведующего продовольственным складом в одном из лагерей Чикишева П.Т.: «Проводились неоднократные проверки оперуполномоченных.

За оставшееся лишние продукты карали еще больше, чем за недостачу, считая, что мы якобы экономим на пленных. Их порой под руки приводили, а через месяц они поправлялись - не узнать. Продукты были всегда не только разнообразными, но и свежими».

(Сапожникова А.В. Немецкие военнопленные Второй Мировой войны в Вятском крае. // Российская провинция в эпоху тоталитаризма (1930-х – 1940-х годов)/ Материалы немецко-российского проекта—Франкфурт-на-Одере—Киров, 2005. С.71-72).

О том, что кормили пленных хорошо, рассказывает житель поселка Верхошижемье Генрих Иванович Сергеев: «Ежедневно мимо моего носа проносили на дощечках из сельской столовой ароматно пахнущие продукты питания и сливочное масло. Рядовые верхошижемцы о такой пище могли лишь мечтать» (Опарин В. «Блиц-криг» закончился... в лагере // Вятский край, 1995, 5 сентября. С.5)

«В поселке (пос. Рудничный Кайского района Кировской области. Госпиталь для пленных. Это район Вятлага) ворчали, что их хорошо кормят, даже дают белый хлеб». (Шипулина Дорида Никаноровна, 1928 г.р., пенсионерка)

Обед привозила воинская кухня. Население облизывалось (суп, каша, курица): «У фрицев вон какая жрачка!» (Докучаева Галина Александровна, 1932 г.р., пенсионерка)

А вот совершенно другие воспоминания и впечатления, подчеркивающие, что пленные жестоко голодали. «Как-то в одной официальной публикации описывался рацион для военнопленных (крупы, хлеб и даже масло), но вряд ли при общем голоде возможно было подобное кормление – как ни говори, а все-таки они были нашими врагами. Я помню неожиданную встречу с одним из пленных. Рядом с нашим поселком Горсовета, который располагался в районе Октябрьского рынка, немцы строили брусковые дома для работников текстильного комбината. Мы ходили собирать на стройках древесные отходы. У забора я пытался достать щепку и столкнулся лицом к лицу с худым мужчиной, который говорил: “Рус, рус – картошка!” Он протягивал мне кольцо, видимо, единственное, что у него еще осталось. Я со страхом покинул это место и долго не мог прийти в себя» (Арсентьев В. Немцы в Кирове появились в 1943 году // Наш вариант, 1998, 7 мая. С.6)

«Немцы жили в городе в специальном бараке на стадионе «Динамо». Жаловались на плохое питание: «Утром капуста, вечером – капуста. Лук надо!» (Кропанев Леонид Васильевич, 1932 г.р., пенсионер).

«Немцы постоянно просили кушать (жестами). Они были оголодавшие и страшные. Ходили в одежде грязно-зеленого цвета». (Дресвянникова З.И.). «У немцев были семейные фотографии. Школьники собирали мерзлую картошку и меняли ее на фотографии. Они так и ели – мерзлую». (Кибардин Н.Н.)

Наверное, можно объяснить противоречивые факты так: только в госпиталях нормы питания были, по военному времени, богатыми, во всяком случае, достаточными, для того, чтобы бороться с истощением. Сотрудники госпиталей решали задачи, поставленные властями: спасти умирающих вражеских солдат от дистрофии и болезней, залечивать раны, давать какую-то передышку чужим солдатам перед дальней дорогой – после госпиталя их отправляли в Сибирь, на Север в трудовые лагеря. Те, кто оказывался в таких лагерях, страдали от голода так же, как и все население.

К концу войны и после капитуляции питание резко ухудшилось и в госпиталях. Туда вернулся голод, люди снова стали умирать.

О работе в трудовых лагерях

Для них был организован трудовой лагерь №101 в лесах Кайского (ныне Верхнекамского) района. В пределах областного центра действовали лагерные отделения трудового лагеря УНКВД №307.

Самым тяжелым, конечно, был труд на лесоразработках. В Кайских лесах военнопленные валили лес, пилили швырок, грузили. При этом планы, «спущенные» Москвой, постоянно не выполнялись. Производительность труда военнопленных оказалась почти вдвое ниже, чем местных лесорубов.

На 1 марта 1947 года в трудовом лагере № 101 Вятлага находился 1841 военнопленный, в основном все они были нетрудоспособны...» (Кирьяков Б.. «Они все видят. Видят и молчат...» (Военнопленные Второй мировой на Вятке) // Московская немецкая газета, 2005, май, №11).

В спецгоспиталях выздоравливающих пациентов использовали прежде всего на внутренних работах по госпиталю: в палатах по самообслуживанию, на кухне, в прачечной (они помогали стирать постельное и нательное белье), на заготовке дров, земляных работах и т.д.

«Выздоравливающих выводили на работу за ворота госпиталя, Они трудились в леспромхозах, на уборке урожая, на хозработах в самом поселке (Рудничном Верхнекамского района). Помогали и жителям, когда те просили у руководства госпиталя работников —

отремонтировать что-нибудь, дрова напилить... Слово «камрад» в то время ненадолго прижилось в поселке. Ведь сами военнопленные именно так называли друг друга» (Богомолова Оксана. Госпиталь для пленных // Прикамская новь, Верхнекамский район, 1999, 16 февраля, №20).

При госпитале в поселке Пинюг организовали подсобное хозяйство, где растили картофель и все овощи. Построили овощехранилище.

В госпитале выделили место для швейной и обувной мастерской. Печникам, столярам и плотникам дали свободный выход в поселок. За работу жители расплачивались едой. За ремонт квартиры, помощь в уборке картофеля или в сенокосе, а часто из жалости жители бросали через ограждения хлеб, овощи, ягоды и даже бутылки с молоком.

Европейцам полюбили русский сенокос. Они делали сами грабли, косы, вилы и умоляли пустить их на эту работу (Кирияков Б. Люди и люди // Вятский наблюдатель, 2002, №3, 18 января, с.26).

Чтобы представить себе, как использовали военнопленных в самом областном центре, обратимся к публикациям Валерия Фокина в журнале «Деловая Вятка» и к воспоминаниям ветеранов труда Кировских предприятий. В городе Кирове был образован лагерь военнопленных N 307 ГУПВИ (Главного управления по делам военнопленных и интернированных) НКВД СССР.

Вспоминает Кропанев Леонид Васильевич, 1932 г.р., пенсионер: «Немцы жили в специальном бараке на стадионе «Динамо». Строили сами, была печка, поэтому жили в тепле. Они приводили в порядок каток: заливали, строгали, подметали. Летом делали гаревую дорожку, ремонтировали трибуны.

Отличались организованностью как на работе, так и на перерывах (по колокольчику). Охраны не было видно – бежать было некуда... Были они замечательные механики: ремонтировали машины, технику».

Скачкова Тамара Андреевна (1930 г. р.), работавшая на Нововятском механическом заводе с мая 1943 года: «Работали в цехе, на тяжелой работе. В нашем цехе работали отдельно. Смена работы была такая же, как у нас. Еще строили дом очень стараясь, у них это, наверно, в немецкой крови заложено. Дом стоял очень долго».

Кибардин Николай Николаевич (1927 г.р.), работавший на Нововятском механическом заводе с марта 1942 года: «Немцев я впервые увидел в 47 году, работали такелажниками (подсобные рабочие), строили дома. Однажды, когда они после испытания полуглиссера (лодка) увозили его обратно на санях, сани опрокинулись, и одному немцу переломало обе ноги. Он лежал полдня на 30-градусном морозе, первую помощь не оказывали. Если бы его не укрывали своей одеждой, кто чем мог, свои же собратья, он бы замерз».

Рабочие бригады формировались с учетом специальности и квалификации каждого военнопленного. Не имеющие рабочих специальностей выводились по бригадно на общие позочно-разгрузочные или иные неквалифицированные работы.

Администрация лагеря добивалась от хозорганов закрытия нарядов ежедневно или по выполнении задания. Это позволяло иметь оперативные данные выполнения норм выработки и влиять на повышение производительности труда и выполнение плана каждым лаготделением. Очень эффективно работали военнопленные на заводе ОЦМ, на строительстве Дома Советов в Кирове, а также в колхозе «Красный Октябрь» Куменского района. Его председатель дважды Герой Социалистического Труда П.А. Прозоров умело применял материальные стимулы для выводимых в его хозяйство 50-100 специалистов, введя дополнения к нормам питания, а к праздникам забивая для них поросенка (Фокин В. Пленные - уже не вояки. Тем более - мертвые... //Деловая Вятка – 2005. – Июль - №16. С.50).

Гораздо хуже, чем на заводах, была организация труда военнопленных по хоздоговорам, особенно на лесозаготовках. Но наиболее тяжелая обстановка сложилась в лаготделении N5, дислоцированном в поселке «Каринторфстроя» Кирово-Чепецкого района. Туда прибыло очень много больных дистрофией, что привело к их высокой смертности.

В 1946 году их в лаготделениях оставалось всего чуть выше 300 человек. Управление лагеря поставило вопрос о закрытии л/о N5, однако дирекция Карийского торфопредприятия была категорически против. Руководству УНКВД потребовалось обращение в обком партии для принятия решения о ликвидации данного лагпункта. Оставшийся спецконтингент был переведен в Нововятск в л/о N6 и работал по договору с Нововятским МСЗ.

Долгий путь домой...

Согласно Женевской международной конвенции абсолютное большинство пленных подлежали репатриации.

В 1945, 1946, 1948 г. спецгоспитали расформировывались, их пациенты возвращались на родину. Последний спецгоспиталь №2047 на станции Пинюг закрыли в октябре 1949 года. (Чудиновских Е. На Вятской земле солдат вермахта лечили и перевоспитывали // Вятский край, 2000, №13, 20 января, с.6).

До 1955 года в лагерях оставались только пленные, совершившие уголовные преступления. Но репатриировать начали раньше.

В 1946 году фронтовик Владимир Павлович Кутергин сопровождал эшелон из 300 человек в Румынию. Вот что он рассказал краеведу Б.Кирьякову: «Весть, что скоро домой, сделала их пьяными. Вытащили самодельные скрипки, гитары, гармошки. Поют, пляшут, плачут слезами. В каждый вагон назначили старшего. 17 больных не захотели остаться. Один умер на остановке в г. Коврове. Искалеченный войной, без ног с останки уполз в деревню. Не хотел, чтобы дома таким увидели.... Благополучно прибыли. По списку сдал представителю СССР в Румынии. Кто возил военнопленных в Германию, рассказывали, что встретили сухо, никого родных и не сразу домой. Румынам повезло. Родные и близкие их встречали» (Кирьяков Б. Люди и люди // Вятский наблюдатель, 2002, №3, 18 января, с.26).

Вятский журналист Валерий Фокин на основании записей участника войны капитана Алексей Михайловича Болотова (эти записи хранила и предоставила журналисту вдова А.М.Болотова Антонина Григорьевна) опубликовал интересные подробности репатриации пленных из трудового лагеря №307, располагавшегося в самом областном центре: «С октября 1946-го по апрель 1947 года А.М. Болотов исполнял обязанности начальника управления лагеря до прибытия из Перми назначенного на эту должность подполковника Ф.Н.Владькина. Число спецконтингента постоянно сокращалось — военнопленных отправляли на родину. Болотову пришлось в качестве начальника эшелона сопровождать военнопленных два раза в Германию и по одному разу в Австрию, Румынию и Венгрию, где те передавались специальным комиссиям из советских представителей и местных властей. В одной из подобных командировок в Румынии произошло следующее.

По прибытии эшелона в город Сигет комиссия ГУПВИ отказалась принимать спецконтингент. Причина в том, что у трех военнопленных были обнаружены татуированные подмышки: небольшой круг и в нем обозначение группы крови, что означало принадлежность к привилегированным войскам СС. А эсэсовцы возвращению на родину не подлежали, по каждому из них должно было проводиться расследование на предмет предания суду.

Пришлось весь эшелон везти обратно и сдавать контингент в лагерь для военнопленных в городе Станиславе у Ивано-Франковска. После этого руководством Кировского УНКВД было дано распоряжение проверить всех военнопленных, содержащихся на территории области. Специально образованными группами из представителей режима и оперотдела, медчасти, производственного отдела в результате тщательной поголовной проверки были выявлены около 250 человек с подобной татуировкой, все они этапированы в спецлагерь на восток.

К весне 1948 года в лагере N307 оставалось незначительное количество военнопленных. Перед репатриацией с каждым производился полный расчет - все заработанные деньги выдавали на руки. В апреле 1948 года лагерь ликвидируется, создается ликвидком. Оставшуюся небольшую группу военнопленных сосредоточили в лагерном отделении N1, которое подчинили Пермскому УНКВД» (Фокин В. Как капитан Болотов «милость к падшим призывал» // Деловая Вятка - 2005. – Август - №17, С.52).

Итак, в моей работе я попробовал создать обобщенный портрет завоевателей, мечтавших стать победителями, а ставших военнопленными, проследил вехи их пути на вятскую землю и обратно. Навсегда остались в вятской земле те, кто нашел здесь последний приют. Тысячи и тысячи пленных остались безымянными.

По данным Владимира Решетникова, в области известно 27 мест массовых захоронений пленных. Но все ли они содержатся в порядке, огорожены, имеют мемориальные знаки? За немногими исключениями (в Фаленском районе, например (Пятунин Е. По солдатским костям больше не пашут// Вятский наблюдатель, 1999, 26 ноября. С.4) , они зарастают травой и постепенно исчезают. Если мы хотим быть людьми, мы не должны с этим мириться.

Мне кажется, можно согласиться с мнением писателя Василия Гроссмана (оно звучит в книге «Жизнь и судьба») о том, что плен для врага – это шаг на его пути к очеловечиванию. Ему вторит немецкий писатель Генрих Бёлль:

«До сих пор большинство немцев так и не поняло, что ... как победители, они были бесчеловечны и очеловечились лишь в роли побежденных...» (Бёлль Г. Способность скорбеть // Новое время, 1988, №24, С. 37).

В работе я постарался, чтобы через обобщенный портрет (с конкретными судьбами познакомиться не удалось) предстали все-таки живые люди, одновременно преступники и жертвы, их реальные беды, их реальная смерть. Работа рождена стремлением восстановить правду о войне, какой бы горькой она ни была, желанием представить восприятие войны как трагедии всех втянутых в нее народов.